

XVIII Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2016 года.
Материалы к проекту "Телесная SOLWI терапия как базовый инструмент в создании современных форм ритуалов перехода и инициации" (телесно-ориентированные приемы оптимизации актуального состояния)

<http://psy.su/psyche/projects/1947/>

Liminality: Пробуждающая КОМА. Развод глазами души ребенка (статья 2).

https://www.b17.ru/article/razvod_glazami_dushi/

От автора: Впервые клинический случай был опубликован в журнале «МИР МЕДИЦИНЫ» 9–10 номер, 1998 год, затем в книге Федоровой Г.М., Бажуриной В.Б. «Холистический массаж» (2001 год) <http://www.solwi.ru/coma.htm>.

Статья опубликована после несколько статей на сайте о разводе. Хотелось рассказать, что происходит на ДРУГОЙ СТОРОНЕ в глубинах души.

В любой культурной парадигме что-то представляет особый интерес, а что-то передается забвению. Неизменные и абсолютные ценностные понятия, пришедшие к нам из прошлого, в настоящий период утратили значительную долю своего влияния. Не только молодые испытали глубокую неуверенность, но и умудренные опытом люди оказались озадаченными, когда речь заходит о целях и ценностях, к которым они традиционно испытывали уважение. Современный человек стал более свободным, но в тоже время и более изолированным и одиноким. Многие семейные ситуации в жизни требуют ответа и нашего выбора, исходя из нашего целостного существа, вмещающего как холодный ум, так и горячее сердце... Но как этого достичь?

«Спящая красавица»

В сказке «Спящая красавица» у короля и королевы рождается дочь, они высылают приглашение не только синьорам и дамам, но и феям тоже. На празднование приходят двенадцать Фей и начинают высказывать свои пожелания, но тринадцатая фея – Черная Фея – не была приглашена. Она врывается и проклинает ребенка, предсказывая, что девочка умрет, уколвшись о веретено. Это пугает всех, но остается еще одна Фея, которая не высказала своего пожелания. Она не может полностью нейтрализовать проклятие Черной Феи, но может изменить его: девочка не умрет, а проспит сто лет. Несмотря на то, что король приказал уничтожить все веретена, девочка все же однажды поднимается на чердак и видит старушку, которая плетет шерсть. Она укалывает палец и в то же мгновение, и она сама, и все королевство погружается в сон на сто лет. В конце периода появляется молодой принц, который через лес прорубает себе путь, входит в замок и видит, что все спят. Он видит спящую Красавицу, целует ее в лоб, разрушая проклятие, и пробуждает все королевство. Когда девочка спит, кажется, что ничего не происходит, на самом же деле происходят глубокие внутренние перемены. Это – процесс смерти – возрождения. Смерть и сон переплетаются в сюжете, как и в состоянии комы. Мы знаем, что смерть никогда не убивает душу или божественную искру в жизни человека. В Греции смерть и сон рассматривались как братья. Каждый сон – маленькая смерть, способ избавиться от вчерашних забот, чтобы встретить новый день. Поцелуй Принца в сказке «Спящая Красавица» — это поцелуй нашего сознания, мужества и любви. Волшебные сказки не только передают культурные идеалы, но и помогают найти альтернативные способы видения и поведения: сотрудничества в противовес противостоянию, учат не только действовать, но и быть в переходных «вакуумных» состояниях, на границе миров, таких, как жизнь и смерть. Культура всегда избыточна, и на каждый вопрос есть не один ответ, поскольку она всегда оставляет пространство для нашего выбора, а значит и совбоды.

С греческого языка слово КОМА переводится как «глубокий сон», состояние, характеризующееся прогрессирующим угнетением функций ЦНС и утратой сознания. Состояние человека в этот момент считается опасным для жизни, поскольку происходит не только нарушение реакций на внешние раздражители, но и нарушения со стороны дыхания, кровообращения и других функций жизнеобеспечения организма. Это физиологический аспект комы. Но что же происходит при этом еще, по ту сторону жизни? Состояние комы — это переход между жизнью и смертью, или от жизни к жизни. Он может длиться ни один месяц, и в этом случае будет являться тяжелым испытанием для семьи и близких людей.

В этот период КОМА ставит много вопросов перед теми, кого поглотила и кто ждет возвращения: «ХОТИТЕ ли узнать, что там – ЗА СМЕРТЬЮ? Это КОНЕЦ или НЕТ? Почему Я

здесь? Отважитесь ли вы любить снова? Готовы ли вы вернуться? » И самый главный вопрос: «Готовы ли вы принять ребенка обратно таким, каким он стал? Вы ГОТОВЫ ОТДАТЬ СЕБЯ?»

КОМА будет терпеливо ждать и не даст двинуться с места, пока не получит ответа на свои важные вопросы, пока не наступит равновесие, не создастся брак между небом и землей, духом и материей, пока не восстановятся связи тела---разума---души---духа. В такие часы или даже месяцы КОМЫ таинственные процессы происходят в глубинах нашей души. И хоть процесс очень опасен, все же любовь в виде просветленного сознания может пробудить нас от сна.

Как теперь мне представляется, задача психолога — помочь родителям, близким найти ответы на вопросы КОМЫ, отыскать любовь, позволяющую душе сделать выбор и совершить переход во времени и пространстве.

Леночка - «Выбираю жизнь»

Этот случай произошел в 1990 году. Невропатолог Первой городской больницы С-Петербурга — Оксана Константиновна - пригласила меня к четырехлетнему ребенку, который находился в коме более двух месяцев. Так я встретила с Леночкой, познакомилась с Валентиной — ее мамой, и Александром Ивановичем Григорьевым, заведующим ожогового центра, где лежала девочка. Несмотря на то, что энцефалографическое обследование регистрировало смерть мозга, этих двух врачей не покидало чувство: ребенок может жить, состояние — не безнадежно... Это был мой первый пациент, история которого во многом определила мое дальнейшее профессиональное развитие и интерес.

История

Леночки:

Валентина (мама): «Когда Лене было четыре года, — в ноябре 1989 года, - случилась беда. Я ее мыла в ванной и вышла за полотенцем. Меня не было минут десять. Вернувшись, я увидела, что Лена лежит на дне ванны... Как медсестра, я поняла, что это клиническая смерть... На «Скорой помощи» девочку увезли в больницу... Два месяца Лена была в реанимации. Дважды был сепсис, отказывали легкие, энцефалограмма регистрировала смерть коры головного мозга... Ежедневно я ходила на консультацию к заведующему реанимации, он говорил, что у дочери состояние крайней тяжести, что ребенок обречен, и жить не будет. Невозможно передать словами, — что я испытала, услышав это...

Внутри что-то подсказывало мне: «Нет, не может быть такого — Леночка будет жить...» Но когда в очередной раз я узнала, что ей осталось жить два – три дня, сердце мое дрогнуло... Рано утром я поехала в часовню к святой Ксении Петербургской... Когда я вернулась в больницу, врачи с удивлением сказали, что Леночка задышала сама.

Поскольку мою дочь отнесли к числу умирающих детей, то ни в одно отделение из реанимации ее забирать не хотели. Заведующий ожогового центра выделил

для нас отдельный бокс... Лена была в коме, в сознание не приходила... И от меня требовался только уход...

Александр Иванович: «Я чувствовал, что жизнь от Лены не ушла, что внутри есть тяга к жизни... И нужно было сделать нечто такое, чтобы помочь ей вернуться к жизни, воскресить эту жизнь реально... Мозговая кома, в которой находилась Лена, наиболее сложна в плане лечения, и ограничиваться только лекарственными препаратами — нельзя. Требуется непосредственное, активное участие семьи, и направление ее сил на выздоровление ребенка. Однако это необычайно сложно, поэтому, — вместе с невропатологом, — я и мать девочки, обратились к психологу»...

ПУСТОТА, ОГРОМНАЯ ПУСТОТА – первое, что я ощутила, когда вошла в палату к Леночке с врачом. Передо мной на кровати лежал ребенок, — маленький, исхудавший (Лена в тот период в свои четыре года весила не более пяти килограммов). До ребенка было всего три метра, но тогда мне показалось, что между нами огромное пространство, потому что я с трудом могла различить черты ее лица. Лена была словно растворена в пространстве, в этой «разреженной атмосфере», которой мы все принадлежали, но не были соединены каким-либо реальным образом. Леночка, ее мать, Оксана Константиновна и я – на мгновение стали подобны атомам, разбросанным во Вселенной, расстояние между которыми – Вечность. Это было мое ощущение КОМЫ. Позже я поняла, что в состоянии комы связи между разумом, душой и телом ослаблены: они не прекращены, но существуют на очень тонком уровне. Охватившие меня беспокойство и страх не давали сосредоточиться, — я не знала что делать, с чего начинать... Мозг и тело Леночки молчали. Я могла протянуть нить только к ее душе. Но как?..

В этом, казавшимся мне огромном пространстве маленького бокса, я увидела глаза девочки: они казались черными бусинками на белом снегу. Зрачки глаз были неестественно расширены и неподвижны. Они притягивали меня, словно через глаза направляя в пространство ЧЕРНОТЫ И ПУСТОТЫ, к самой БЕЗДНЕ, хозяйкой которой была КОМА.

Не отрывая своих глаз от ее, я присела возле кровати, и мне показалось, что не я, а БЕЗДНА сделала шаг навстречу, окутав меня и поглотив. Там, внутри нее, в этой необъятной Вселенной я пыталась отыскать Леночку, частичку ее души... и свой свет соединить с ее светом, чтобы показать дорогу домой... Я не знала ни о каких духовных практиках, ни о возвращении души... И лишь мое искреннее желание помочь и жалость к этому ребенку руководили мной. Я не хотела возвращаться в комнату, заполненную отчаянием, я искала ее там, в глубине ее темных глаз, чтобы подарить частицу любви.

Не знаю, сколько прошло времени, но тепло, которое я ощутила в груди, вывело меня из этого состояния. И я поняла, что это был ответ... Почувствовав взаимодействие, я сильно зажмурила глаза, чтобы резко прекратить эту связь, а открыв их, увидела, что зрачок девочки дрогнул... Это была ее первая видимая реакция — ответ мне и нам.

Чтобы проверить это, я снова закрыла свои глаза и резко открыла — реакция повторилась. Я проделала это еще и еще раз. В течение нескольких дней после этого глаза ребенка словно учились взаимодействовать с этим миром, они то расширялись, то сужались. Но теперь они уже не были застывшими, как прежде, потому что связь между мирами стала налаживаться снова...

(Наблюдая перед этим Леночку в течение двух месяцев, врачи говорили об отсутствии зрительной реакции...)

Я сказала маме, что ребенка нужно больше носить на руках, качать, разговаривать с ней. Что хорошо читать книги, слушать песни, которые Леночка любила, и через них налаживать связь души с этим миром, с этой реальностью.

Постепенно мир ребенка стал расширяться, и это было видно по реакциям ее тела, она стала реагировать на прикосновения. А потом мама стала выходить с ней из палаты, гулять по холлу, где Леночка могла видеть знакомые мультфильмы, смотреть на цветы в оранжерее ...

Валентина: «У Лены появился зрительный рефлекс, первые эмоции... Однажды, когда я усадила ее перед телевизором, где шла передача «Спокойной ночи, малыши», у нее вдруг возникла реакция на увиденное: она радовалась...

Прошел месяц, после которого внезапно все застопорилось, — появился зрительный рефлекс, возникли эмоции и — все...»

По своим ощущениям я поняла, что мы остановились: было чувство, что мое внутреннее время замедлилось ...

Было ясно, что нужно искать другую «ДВЕРЬ». Но какую?..

В то время семейная терапия еще только зарождалась, психологические подходы в работе с комой были не известны. Основным ключом в работе была моя вера в то, что душа — реально существующая субстанция, которая мыслит, чувствует и действительно может взаимодействовать с нами... Но она из другого мира... И я обращалась к тому, другому миру с надеждой и мольбой.

Была еще зима, но солнце уже светило по-весеннему, и, казалось, давало силы и мне. Однажды я пришла в палату с четким намерением пройти глубже в историю Лены. Я взяла ее на руки, прижала к себе, чтобы мы стали еще ближе, и, закрыв глаза, стала покачивать.

Я попросила маму еще раз подробно рассказать свою историю. Практически одновременно с началом рассказа я неожиданно ощутила толчок в груди, и вместе с ним яркую вспышку перед глазами, которая осветила в тумане грузовую машину. Открыв глаза, я стала расспрашивать Валентину о деталях событий, предшествующих трагедии, уже зная, что все случилось почти сразу после развода родителей. Валентина: «Муж подал на развод и хотел раздела детей. Дважды решением суда дочку оставляли мне. В то время Леночка жила у бабушки, матери мужа, и поехав к ней, я была вынуждена силой забрать ребенка, потому что мне ее не отдавали. Однажды ранним утром я схватила Лену, и мы на попутной машине добрались до дома. Через несколько дней случилась эта трагедия, приведшая к коме.»

Как только Валентина стала рассказывать о побеге, тело Лены под действием какой-то внутренней силы, выгнувшись в дугу, резко откинулась назад на моих руках, глаза закатились. Мы испугались настолько, что на мгновение застыли, и в голове, не только у меня, промелькнула мысль – это КОНЕЦ... Я не знала, что делать, но ... тело само через несколько минут или секунд расслабилось. Привычное за многие месяцы напряжение спало, но это мы заметили чуть позже... Валентина: Этих мгновений было достаточно, чтобы осознать все: был развод, «делили» Лену, и тогда независимо от собственного сознания, ее душа решила покинуть этот мир: «Пусть никому я не достанусь: ни тебе, ни ему...»

По сильной реакции Лены, я поняла, что мы коснулись чего-то очень важного. Может быть, той точки времени, которая и явилась точкой выбора для ее души, а потом стала гранью между жизнью и смертью, а может, просто ослабила связь души и тела. Позже я не раз встречалась со случаями сильного испуга у детей, следствием которого было нарушение этой связи.

После разговора с мамой и такой столь сильной телесной реакции, Лена стала быстро поправляться. Она словно заново проходила все ступени развития, начиная с рождения, только в более быстром темпе. Для такого состояния слово «быстро» - понятие относительное, потому что к Леночке я приходила почти ежедневно в течение четырех месяцев. Мы вместе радовались ее первым словам «мама», «зая»... Изменения невозможны без волевого усилия, и Валентина делала все, что могла: учила дочку сидеть, ходить, слушать, радоваться. Леночкино желание жить, двигаться, несмотря ни на что, поражало всех.

В такой работе готовых рецептов не существует. И все же есть три правила, которых я придерживаюсь в работе с комой: это установление контакта с душой пациента, работа со всей семьей и установление между всеми ними новой связи. Символически это — как создание новых отношений в семье, новой связи (в данном случае) между душой ребенка и Землей, которая и есть ее дом и ее родители. Конкретно в работе с Леной я использовала

работу «глаза – в глаза», затем прикосновение, покачивание, массаж, каждый раз чувствуя, что необходимо девочке в данный момент.

В этом случае самым важным было то, что верившие в Лену два врача, мама и я действовали вместе, поддерживая друг друга на протяжении всего пути.

Валентина: «Когда Леночка понемногу научилась ходить за ручку, однажды, идя по улице, она вдруг сказала мне (говорила она плохо, но я понимала ее): «Мама, когда меня не было с тобой, когда я была у Боженьки, у иконки, я очень хотела к тебе, я просилась к тебе». Я перепросила: «Где ты была?» Она отвечает: «У иконки, Да у Бога я была, у Бога, мама. Я очень хотела к тебе...»

Означало ли это, что отчаяние, подтолкнувшее душу ребенка оторгнуть жизнь, привело его к Богу. Возможно ли вообще такое движение души для такого маленького еще ребенка? Если да, то каково влияние сознания и воли души на нашу светскую жизнь?

Прошло более пятнадцати лет. Она Лена учится в школе, любит модно одеваться, танцевать. Дважды за эти годы делали энцефалограмму, и никаких значительных отклонений не обнаружили: остались последствия реанимации – трахеостома (повреждение трахеи при искусственной вентиляции легких). У девочки хорошая память. Удивительно, но через 15 лет она стала вспоминать некоторые детали, события, которые происходили с ней до трагедии.

Нередко тот мир, в котором человек себя обнаруживает после случившегося, кажется ему абсолютно новым, но в тоже время давно знакомым, близким его сердцу.

После всего пережитого Валентина написала такие строчки, которые не могут не затронуть сердце: «Глядя на Лену, я чувствую сладость рая, живущего в ней. Смотришь на нее и приходишь к мысли, что, может быть, этот мир держится только потому, что есть дети, страдания которых перевешивают чашу нашего незнания. Судьбы таких детей раскроются в Вечности...»

Я ясно поняла, что за наши грехи страдают наши дети. Если бы они не были

НАШИМИ ДЕТЬМИ, они бы не страдали за нас. Но тогда бы они от нас и не родились...»

Практически в любой терапевтической работе, а тем более в глубинной терапии, терапевт является одновременно наблюдателем и непосредственным участником «жизни» пациента, или, скорее, той реальности, в которой находится пациент и его родные. Погружение же в жизнь пациента предполагает непосредственное взаимодействие и воздействие этой реальности, в данном случае реальностей «Комы» или «Смерти» на психолога, то что К.Юнг называл алхимическим взаимодействием двоих, в котором оба претерпевают изменения. В современной психологии подобные случаи можно отнести к педагогике порогового состояния, обозначив их как дазайн (**Dasein**) в психотерапии. Нетрудно предположить, что, избирая такой путь, терапевт столкнется с экзистенциальными

проблемами, характеризующими эту реальность. И потому у него должна быть готовность исследовать эти проблемы в соответствии с экзистенциальными законами, а значит, до этого должен быть выработан «иммунитет» и особый уровень экзистенциальной защищенности.

Каким образом мы можем погрузиться в эту реальность? Здесь я могу высказать два предположения исходя из опыта работы с послеоперационными больными. Первое связано с тем, что эта реальность нам уже знакома: какая-то часть нашей личности, возможно, в результате психической травмы, уже пересекала эту черту. Второе связано с наличием или приближением экзистенциального кризиса, который может открыть врата в эту реальность. Однако, полагаю, как в первом, так и втором случае, на первых этапах кризис неизбежен. Именно поэтому в такой работе мы снова и снова лишаемся иллюзий относительно своей собственной жизни и профессиональных знаний. Новый опыт (**dasein**), как правило, не может быть интегрирован на основе тех мировоззренческих ресурсов, которые имеются в его окружении.

Подобная работа требует от терапевта большого мастерства и готовности встать перед достаточно мучительными вопросами жизни. Например, такими, как: вправе ли я ожидать, что мама ребенка сможет справиться с подобной проблемой? Сможет ли она принять девочку после выхода из Комы? Вправе ли я вообще пересекать эту границу «жизни и смерти»? Должна ли я во имя торжества любви и жизни разрушать стойкую позицию классической медицины?

Первая моя серьезная публикация о подходах SOLWI терапии и этого клинического случая, напечатанная в журнале «Мир медицины», так и называлась «Отодвигая черту».

Помощь людям, оказавшимся в подобной ситуации, и находящимся рядом, сопряжена с большими проблемами, поскольку в ее процессе происходит кардинальное изменение их мировоззрения. Для большинства врачей такой подход достаточно сложен. Но реальность остается реальностью, и против фактов трудно выдвинуть иные аргументы. Этот случай поразил многих врачей Первой детской больницы. Вопросы буквально «висели» в воздухе. Их не задавали вслух, не обсуждали, но они постоянно ощущались в той напряженной атмосфере, где мы все находились. Что регистрирует энцефалограмма? Каковы возможности мозга?...

У нас было много «своих» вопросов, но они были несколько другими: Неужели душа маленького ребенка может выбирать? Она так разумна? Жизнь и законы этого мир могут быть отвергнуты душой?

Любовь и вера сильнее смерти? Неужели наше физическое здоровье так связано с душевным? И многое другое, что заставило нас самих пересмотреть взгляды на человеческую природу, не на словах, а наяву встретиться с чудом. Было ясно, что мы не знаем о чем-то важном, может, самом главном, и что более верно — имеем весьма смутное представление о самом человеке.

КОМА поставила много вопросов перед врачами, психологами, людьми, с которыми встретилась, до сих пор ОНА — предмет обсуждения в медицинской практике, особенно там, где вопросы этики наиболее важны.

Вопреки этим словам, требованиям трансплантологии – девочка жива, здорова. Энцефалографические обследования, проводившиеся в течение последних лет, не фиксируют каких-либо отклонений. В 2005 года Лена закончила специализированную школу и была признана лучшей ее ученицей. Сейчас она учится, осваивает свою будущую профессию в оранжерее, и скоро будет дарить людям цветы, цветы, выращенные теплом своей души и светом, принесенным издалека...

Некоторые выводы

1. Рассматривая представленный клинический случай с индивидуальной позиции конкретного человека: меня, Валентины, врачей больницы, надо отметить, что этот процесс представляет нечто большее, чем процесс индивидуации, о котором К.Юнг писал: «Самоосознание отдельного человека, возвращение индивида к основе человеческой сущности, к своей собственной сущности и ее индивидуальной и социальной определенности есть начало для исцеления от слепоты, которая правит сегодняшним днем. Интерес к проблеме человеческой души есть симптом этого инстинктивного возвращения к самому себе».

Возвращение к основам нашей человеческой сущности потребовало поставило немало вопросов, чтобы затем в дальнейшем в своей социальной определенности постараться ответить на них.

2. Рассмотрение этого случая с точки зрения сохранения познавательной функции человека при отсутствии сознания, как такового, ставит множество вопросов перед основоположниками теорий сознания. Вероятно, рассматривая это состояние, как измененное состояние сознания (ИСС), мы имеем дело с еще одной его иерархической структурой, принадлежащей духовному измерению, свойственному периоду лиминальности, как переходному пространству от одного нашего состояния сознания к иному, более объемному и зрелому. В этой связи приобретает особый интерес исследования периодов лиминальности, не только в послеоперационный период и состоянии комы, но и при изменении семейного (и социального) статуса.

3. Рассматривая этот случай с точки зрения формирования религиозного сознания, необходимо отметить, что любая религия раскрывает наличие «священного» и выделяет то, что действительно есть. Она помогает человеку создать мир, который не является мимолетным и непостижимым, каким он нередко становится для нас в периоды нестабильности или погружения

существования в «хаос абсолютной относительности, в котором не просматривается никакого «центра» и ориентиров.

4. Какой бы выбор ни был сделан эпохой, сама культура, возведенная в ранг искусства, обладает особой ценностью. Она обладает не только свойством хранения информации, но и сама выступает как генератор творчества или источник порождения нового культурного кода для возрождения особо важных и значимых идей через самого человека. Поэтому такие ценности как человеческое тепло, душа, любовь всегда будут возвращаться в нашу жизнь, и занимать те позиции, которые и должны занимать в нашей жизни.

В завершении

В 2008 году я уже в связи с другими обстоятельствами оказалась в этой детской больнице. Прошло много времени, заведующим отделения был уже другой человек, но остались многие из тех, с кем работали вместе. И поразило меня то, что все, о чем мы мечтали прежде – осуществилось, а главное — сохранилась атмосфера доброты и заботы. Я увидела, как реализовалась наша мечта по созданию переходного пространства: выстроенный зимний сад, свежий воздух, который так необходим в этом отделении, еженедельные выступления артистов и подарки детям от спонсоров, а главное — атмосфера заботы и тепла, в которой только и может произойти оздоровление и исцеление души маленьких и взрослых в этом лиминальном - переходном ландшафте. Все это приносит немало хлопот старшей медсестре. Но есть из-за чего! Дети нуждаются в радости и любви в том месте, которое называется ЗЕМЛЯ, и где она - душа пустит свои корни, и те, кто работают с ними прекрасно это понимают. Когда мы переживаем потрясение и получаем новый мировоззренческий ресурс, необходимо воспользоваться им, чтобы по-новому построить свою профессиональную жизнь, в которой этот опыт будет в согласии с нашим видением и пониманием жизни.